

Владислав Тихонов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Зловещее хихиканье в
темноте

Владислав Георгиевич Тихонов

Зловещее хихиканье в темноте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186502

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник из десяти новелл в жанре гротескной мистики. Сплав "невинной" городской страшилки и хтонического эпоса. В качестве обложки использована картина художника Питера Брейгеля Старшего. Содержит нецензурную брань.

САНИТАР

Истинная сущность человека обитает во мраке... Случается, искра рационального разума время от времени вспыхивающая в стране теней, высвечивает отдельные фрагменты этого вселенского кладбища, именуемого человеческой душой.
(неизвестный средневековый автор).

Никогда не доверяй человеку со шрамом.
(песня «Человек со шрамом» группы «Коррозия металла»).

Что заставило нас с Максом переться в тот вечер в заброшенную больницу на окраине города, одному черту ведомо. В тот злополучный день Максуду удалось стянуть у старой карги, приходящейся ему по недоразумению бабкой, ее заначку. Эта выжившая из ума беззубая верблюдица копила, видите ли, «на гроб». Макс был отличный парень, а так как я – его лучший друг, то своим трофеем он по-братски поделился со мной.

Начали мы с пива. В захарканном, заваленном собачьим и человеческим калом «Парке победителей», сидя на раздолбанной скамейке, мы прихлебывали блаженный напиток, разглядывали проходящих мимо бабенок и строили планы на

вечер. Погода в тот день была на редкость пакостная. Вовсю светило окаянное солнце, и жара стояла, как в крематории. Все это привело к тому, что нас слегка развезло. Пиво закончилось, и нас потянуло достать чего-нибудь покрепче.

По дороге в ближайший магазин Макс ржал так громко, представляя себе обнаружившую пропажу своих денег бабу, что встречающие в панике шарахались от нас. Взяв в магазине «флакон» и какой-то поганой жратвы в консервной банке, мы без долгих раздумий поехали в мою скромную обитель, так как пить водку на улице – дрянное пижонство.

Предаваясь низкому греху пьянства в моей берлоге, мы и не заметили, как время стало клониться к вечеру. Надо было что-то предпринимать для продолжения развлечений. Отдыхающий на моем старом добром диване Макс подал мысль, что неплохо-де было бы поймать каких-нибудь подруг на ночь. На мое замечание, что вместе с подругами можно поймать и еще что-нибудь, он только раздраженно махнул рукой и заявил, что намерен веселиться по полной программе. Видимо, конфискованные у бабки деньги придали ему уверенности в себе, а выпитое как следует тюкнуло в голову, и он возомнил себя прожигающим жизнь веселым миллионером. А вообще, мне на это было наплевать. Я и сам не дурак повеселиться, соблюдая, впрочем, осторожность.

Когда Макс и я, слегка пошатываясь, вышли на улицу, мы оба как раз находились в той кондиции, когда душа требует приключений, любви и подвигов. Заходящее багровое солн-

це слеповато освещало кривую улочку, усаженную покоцанными, безобразными деревьями. Кроны этих странных деревьев были похожи на головы, которые обкорнал пьяный парикмахер.

Найти «подруг» на сей раз оказалось проще, чем я ожидал. Две какие-то дуры из тех, что обожают шляться по вечерам в поисках приключений на свои безмозглые головенки, привлеченные возможностью халявной выпивки и дешевых ласк, составили нам с Максом компанию. Как их звали, я уже не помню. Одну, кажется, Юля, а другую – то ли Жанна, то ли Оксана.

Старая заброшенная больница располагалась на самой городской окраине, за полуобезлюдившими, допотопными «пролетарскими» кварталами. Еще с самого детства я слышал об этой больнице столько разных историй, что их хватило бы на средней толщины дрянную книжечку – из тех, которые всякие засранцы любят полистать, дабы пощекотать нервы. То там якобы находили отрезанные человеческие уши, то кишки, то еще какую-нибудь «расчлененку». Теперь, по слухам, заброшенная больница превратилась в убежище «деклассированного элемента» и в место сходов подростковых банд.

Я сейчас уже не помню, кто первый из нас с Максом предложил отправиться в это колоритное местечко. Наши подруги, с которыми мы к тому времени успели распить пару бутылок какой-то дешевой отравы, с идиотским хихиканьем оце-

нили идею погулки на окраину.

Когда мы очутились под больничной оградой, солнце уже почти село. Но это нас совсем не смутило... Наоборот, все вокруг казалось до глупого романтичным, как выразился бы какой-нибудь горе-писака, — «преисполненным волшебных тайн». Так, во всяком случае, казалось мне. Макса уже достаточно развозюкало. Он завывал и блял какую-то похабщину, то и дело лапая девиц и рискуя обжечься их сигаретками.

Старое, местами обрушенное, местами слегка обгорелое здание главного корпуса, окруженное непроходимым полумертвым кустарником, встретило нас равнодушной тишиной. Заваленная грязью, столетней листвой и прочим мусором асфальтовая дорожка вела от ржавых ворот к ободранному высокому крыльцу с выломанными дверями, наполовину рухнувшим козырьком и дурацкими бетонными шарами по краям лестницы. Эти шары почему-то произвели особое впечатление на Макса, и он с радостным ревом кинулся сдвигать их с мест, возмущаясь, что никто ему не помогает. Наконец, девчонкам удалось отвлечь перепачканного Макса от его работы, и мы вошли в больницу.

Больница, как я уже говорил, была очень старая и очень большая. За четырехэтажным главным корпусом располагались другие корпуса и еще какие-то непонятные больничные постройки, утопавшие в зарослях кленов, карагачей и прочей неопрятной городской флоры. Пробраться через эти

джунгли, не лишившись части одежды и волос, было просто невозможно.

Выкрикивая пьяные глупости типа «Фредди Крюгер, ау!», или «а вот и зомби!», мы недолго бродили по темным пыльным коридорам. Вскоре мы с удовольствием расположились в бывшей операционной на третьем этаже. Помню, какое-то дурное предчувствие кольнуло меня тогда в левый бок. Я не обратил на это внимания. Как выяснилось потом, напрасно.

Уютно расположившись за поломанным операционным столом, на котором, надо надеяться, немало несчастных испустило дух под ножом мясника-хирурга, мы приступили к пиру. Наступившую темноту разгонял свет изготовленных на месте четырех импровизированных факелов. Макс, по обыкновению, всюю нес какую-то бессвязную ерунду. Помнится, он обещал пристукнуть свою бабку..

...Совсем не помню, откуда он взялся. Я не видел и не слышал, откуда он пришел. Удивительно только, что его присутствие я принял как что-то само собой разумеющееся. Да, он просто сидел рядом с нами – высокий, худощавый, в медицинском халате, заляпанном буро-зелеными пятнами. Я помню, что мне бросился в глаза длинный изломанный шрам, пересекающий пепельное лицо сверху донизу, от лба до подбородка – через нос. В свете факелов его глаза, как бы затянутые пленкой, временами мерцали, словно елочные лампочки. Он сидел среди нас, ничего не говоря, ничего не делая... Оглухший и ослепший вконец Макс все что-то спра-

шивал у него, девицы болтали наперебой. Голова у меня гудела, как трансформаторная будка, перед зрачками плыли ключья какого-то тумана. Вспоминаю, что перед тем как вырубиться, я поймал на себе взгляд затянутых пленкой, позмеиному немигающих глаз...

Очнулся я от странного, весьма гадкого звука – будто кто-то размеренно и чинно стучал по пустой кастрюле. Кроме меня, в операционной никого не было. Макс, девки и тот таинственный тип, если только он не был плодом пьяного воображения, куда-то исчезли. На память о них остались одни пустые бутылки и догорающие вонючие факелы. Преодолев земное тяготение, я поднялся с ветхого стула и направился к выходу. О том, что произошло дальше, я вспоминаю с таким ужасом, какой мало кому знаком. Я никогда не баловался наркотой, и потому то, что я тогда пережил, нельзя объяснить галлюцинацией. Психика у меня, во всяком случае до того дня, была крепкой. С похмелья я видениями не страдал.

Выйдя с факелом в руке в коридор, я услышал позади себя тяжелые шаги, сопровождавшиеся довольно фальшивым посвистыванием. Я резко обернулся, и едва не ткнул факелом в морду... тому самому типу со шрамом. Не успел я рта раскрыть, как тот гнусаво произнес:

– Пойдем, твои друзья ждут тебя, – и весьма крепко схватил меня за локоть. Рука у него была сильная, холодная и какая-то мокрая.

– Ты кто? – хрипло выдавил я.

– Санитар, – прозвучало в ответ.

Идиотизм ответа был очевиден – настолько, что я неожиданно испугался.

– Какой еще санитар?! – спросил я, меж тем соображая, где и что делает Макс.

– Санитар больницы. Я здесь работаю. Помогаю врачам.

Мне все стало тут же ясно. Я всегда говорил, что ночные приключения никому не идут на пользу! Предельно сконцентрировавшись, я резко вырвался из противной лапы и обрушил факел на патлатую башку «санитара». Вмиг она исчезла в роскошном фейерверке искр, и вслед за тем «санитар» с утробным рычанием метнулся на меня. У меня не было желания упражняться в единоборствах с этим психом. Рискуюя разбить собственную коробку для мозгов, я бросился вдаль по коридору, перепрыгивая через ломаные кушетки, размахивая факелом и вопя «Макс, Макс!!» Повернув за угол, я неожиданно увидел зеленоватый свет, льющийся из-за большой железной двери.

Бросившись к ней, я распахнул ее и...

Огромная комната была залита болотно-зеленым свечением, исходявшим от странного длинного светильника под потолком. На большом мраморном столе лежало то, что осталось от Макса. Весело улыбающаяся знакомая голова находилась не там, где ей бы положено находиться. Она покоилась в эмалированной чашке, стоящей на подставке перед странного вида статуей – я не успел ее толком разглядеть. Вокруг

стола с максовыми останками орудовали – о, боже правый! Я не знаю, смеяться сейчас или плакать, – четыре в прямом смысле слова скелета в изодранных и когда-то белых халатах. Из-под докторских шапочек свисали остатки мерзких, пропитанных гноем

волос... Эти пародии на хирургов срезали с костей моего приятеля его свежее кровоточащее мясо и бросали его прямо на пол. На полу, помимо прочего, валялись, словно забытые игрушки, головы Юли и Жанны-Оксаны.

– Вот ты и у друзей, – мягко и весело произнес подкравшийся сзади Санитар, – сейчас тебе будет хорошо. Верь мне.

Это последнее, что я запомнил. Очнулся я уже в камере. Как я потом узнал, проезжавший мимо старой больницы милицейский патруль был привлечен лучами зеленого света, вырывавшимися из разбитых окон третьего этажа. Зайдя в больницу, менты обнаружили зрелище, заставившее их как следует проблеяться. Небольшая комнатка была снизу доверху перемазана кровью. По полу были разбросаны жалкие изрезанные человеческие останки, а посреди этого безобразия, счастливо улыбаясь, сидел на четвереньках вымазанный чужими кишками идиот и ржавым скальпелем выковыривал глазные яблоки из отрезанной головы. Как вы уже поняли, этим идиотом был я...

На суде бабка Макса горестно вопила и требовала четвертовать убийцу ее «единственного внучика», который мало того, что спаивал Максимку и заставлял его красть бабушки-

ны деньги, так еще и угрожал мальчика «по злобе своей»...

Единственное, что менты так и не смогли объяснить, так это зеленый свет в окнах. Меня признали невменяемым, и теперь я здесь, среди самых страшных психов и монстров, каких только рожала Русская земля. Вчера ночью ко мне приходил он, Санитар. Долго шептал мне, что все будет в порядке. А когда он ушел, я обнаружил, что сжимаю в руке старый скальпель.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СОДОМА

Посвящается Георгию Михайловичу Тихонову, моему отцу.

*Своя тьма успокаивает, чужая-настораживает.
(неизвестный средневековый автор).*

«Что тебе до меня? Я – дух тьмы и одиночества, я не принесу тебе покоя».

(откровения Самаэля, часть IV, ст.8).

Усталый Андрей, уютно расположившийся на диванчике в санитарской, как-то резко и сразу отключился от действительности. Так бывает. Сядет человек вроде бы на полминуты поотдыхать от забот насущных, ан уже гляди – времени-то часа три прошмыгнуло. Срамота, одним словом. Почему срамота? Да потому что не должен человек, забыв

о профессиональном своём долге, дрыхнуть как распоследний... Тем более, что и чай на электрической плите уже выкипел, и тараканы ползают по бутербродам. Но чай, бутерброды – всё это пустяки, херня, Андрей. Самое страшное – это то, что пока ты смотрел свои дурацкие сны, непонятно на кой ляд тебе ниспосланные, приезжал уже чей-то весёлый ночной «КАМАЗ» и, не достучавшись тебя, оставил под железными дверями дурно пахнущий грязный свёрток с торчащим из складок направлением в морг № 1 судмедэкспертизы города Литейска. И успеть бы тебе пробудиться досветла, и затащить бы свёрток в глубины своего тёмного царства – пока не обнаружили свёрток поутру суетливые местные бродяги и с разочарованными воплями не зашвырнули в запущенный кустарник (в отместку, что ли). И тогда – маяться тебе, Андрей, пока не пришло начальство. Резко и быстро маяться, высвобождая из цепких веток недельной давности останки пенсионера, отравившегося некачественным алкоголем. И ведя за них смелую борьбу с бездомными псами. Будешь лупить собак отрезком водопроводной трубы, заготовленным чтобы отбиваться от некрофилов. А им бы – схватить кусок вонючей, тухлой плоти и бежать в сторону посёлка имени Калинина. И несть им числа, тварям... А старикашка-то всего один.

Все эти грустные мысли, проплыв перед засыпающим сознанием Андрея, заставили его мощнейшим волевым усилием вырвать свою душу из объятий Морфея, открыть гла-

за и встать с клеёнчатого диванчика. Приготовив себе накрепчайшего чаю и лениво жуя бутерброд с засохшей копчёной колбасой (четвёртый из восьми своих «ночных бутербродов»), он взял с подоконника ранее брошенный им туда роман Достоевского «Идиот» и открыл его там, где был заложен кусочек «Литейских вестей». Книжица была, прямо сказать... Скоро все эти ископаемые князья, генеральши и купцы своими непонятными и неинтересными проблемами вконец утомили Андрея – его снова стало клонить в сон. Аккуратно спрятав недогрызенный бутерброд в пакет, Андрей пристроился за столом и задремал, придавив щекой потрепанного «Идиота».

Первые сумеречные обрывки каких-то безобразных сновидений уже замельтешили у Андрея в голове, как вдруг резкий стук в обитую железом дверь заставил его вновь прийти в себя. С полминуты он сидел, бессмысленно таращась в законную августовскую черноту, пока повторный стук не вывел его из оцепенения. Прихватив трубу-дубинку, Андрей направился в холл, откуда глухим эхом разносился по холодным и тёмным коридорам морга этот сигнал судьбы.

– Кто?! – с напускной грозностью прозвучал хриплый голос Андрея.

Стук прекратился. За дверью вкрадчиво прошелестело:

– Открой – узнаешь...

– Я те щас узнаю! Выйду, навешаю по вазе...

За дверью раздался смех. Ничего гаже и страшнее Ан-

дрию ещё не доводилось услышать. Даже кассета с подборкой скандинавских металлических групп, которую Андрею навязал послушать один маньяковатый приятель, по мерзости своей этому смеху и в подмётки не годилась. Смеялось явно несколько человек и похоже это было на то, как если бы что-то густое и липкое чмокало в кастрюльке на плите и при этом кто-нибудь жевал бы битое стекло и живых лягушек одновременно.

– Я сейчас милицию вызову! Посмотрим тогда, кто посмеётся последним! – Андрей старался говорить властно, уверенно, хотя и порядком струхнул.

Разного рода инциденты происходили порой в этом печальном заведении: то ломилась обкуренная местная шпана в поисках развлечений, то приезжали крутые пощекотать себе и своим блядам нервы, то забредали на огонёк алкаши в надежде разжиться медицинским спиртом. А однажды ровно в полночь припёрлись какие-то недоумки, вооружённые огромными крестами, заточенными кольями и с гирляндами чеснока на шеях. Они требовали, видите ли, выдать им вампира, который притворяется честным покойником в холодильнике. Андрей тогда просто послал их куда подальше, и, простояв под дверями около часа, вдрызг пьяные последователи профессора Ван-Гельсинга, ушли, выкрикивая бессвязные угрозы. Но ни разу Андрею не было по-настоящему страшно. Некоторое напряжение, конечно, было, но ужаса он не испытывал ни разу. А сейчас, слыша этот смех, он

чувствовал, как плотный, почти осязаемый ужас просачивается сквозь безопасную дверь и ледяными пальцами лезет под одежду, под кожу, ощупывает сердце, горло, старается заморозить мозг. Тот недоступный пониманию ужас, который превращает человека из личности в колонию взбунтовавшихся клеток.

Андрею за все двадцать четыре года его жизни лишь пару раз доводилось испытывать нечто подобное. Слабаком и хлюпиком он не был, и поэтому в панику никогда не впадал. Однако на сей раз почувствовал, что готов сорваться: в смехе и в голосе за дверью не было ничего человеческого. Так могли смеяться злые филины в сыром осеннем лесу.

– Ну, погодите у меня, пидорасы!!! – Андрей кинулся в санитарскую – с намерением сейчас же звонить «куда надо».

Пробегая мимо прозекторской, он вдруг подскочил от нового испуга: за закрытой белой дверью трупорезки раздался грохот, будто опрокинули что-то стеклянно-металлическое, а затем – вой и рычание. Ошарашенный Андрей распахнул дверь. В дальнем углу, на фоне светлеющей кафельной стены, что-то тёмное шевелилось, чмокало и невнятно ворчало. Переведя взгляд на столы для вскрытия, Андрей обнаружил, что приготовленные нынешним вечером к этой процедуре «клиенты» исчезли, не дожидаясь знакомства с пилой и скальпелем. И тут Андрей понял, что сошёл с ума.

Два синевато-чёрных в свете белой луны силуэта вынырнули из-за тёмной громады препараторского шкафа. Плавно,

и в то же время как-то угловато и неестественно – как дети, которые учатся ходить, – они направились к остолбеневшему в дверном проёме Андрею. Он сразу всё понял. В глубине души, где-то там, в болоте подсознательного, он всегда ждал этого момента и, может, даже надеялся на него. Каждый раз, глядя на трупё (или на «брёвна», как называли их здесь), он не мог поверить, что вот ещё вчера эта гора мяса двигалась, говорила, трахалась, дралась, ела, пила, водила машину и бог весть что ещё делала. А теперь вот раз – и всё. Точно кончился завод или села батарейка. И лежат бессмысленные куклы на больничных каталках, тупо таращась в потолок, и яркий свет казённых ламп совсем не слепит их. Андрей подметил как-то, что все мертвецы совершенно одинаковы – их лица утрачивают индивидуальность, присущую живым. Он часто задавал себе вопрос: а что, если... Что если найдётся способ вновь запустить механизм, отработавший своё, подзарядить севший аккумулятор. Что это даст? Рай на Земле? Или то, что ему прямо противоположно? Конечно, Андрей знал, что это безумие. Что зомби – это персонаж больных голливудских страшилок. Но, всякий раз глядя на очередной труп, Андрей слышал у себя в сердце безжалостный голос: «Это возможно, возможно...»

Теперь в этом не было никаких сомнений. Неизвестно где и почему сработали забытые законы. И вот – два оживших трупа непонятно с какими намерениями стоят ним, грешным санитаром морга Андреем. Третье существо, чем-то

чавкавшее у стены, вдруг встало, распрямилось и отшвырнуло в сторону загрохотавшее ведро для отходов. Первое, что захотел Андрей, это потерять сознание. Уж очень тяжёлой, прямо невозможной была необходимость за несколько секунд осознать происходящее. И принять какое-то решение. Но подлое сознание не желало теряться. Оно было тут и настойчиво требовало каких-нибудь действий. И тело Андрея – само, не дожидаясь приказов от полупарализованного мозга, – отреагировало на ситуацию. И пока одуревший человек в замызганном белом халате силился что-нибудь сообразить, его правая рука, сжимавшая отрезок трубы, лихо взметнулась к потолку и щедро одарила ближайшего «оживленца». Голова того мотнулась, и труба глухо отскочила от неё. Зомби, издав протяжное коровье мычание, бросился к Андрею с распростёртыми объятиями. «Вот херня!» – вскрикнул Андрей и толкнул кадавра трубой в грудь. Кадавр рухнул навзничь – прямо на мельтешившую сзади женщину с перерезанным горлом и чёрными колотыми ранами на теле.

Дальше началось невообразимое. Это была безумная ночь в самом прямом смысле. То, что произошло в морге, Андрей почти не запомнил. Всё, что отпечаталось в памяти, это синие, на удивление спокойные лица с закатившимися навсегда глазами, мычание мёртвых глоток, бесполезная тишина белой телефонной трубки и глухие удары трубы-дубинки – такой же мёртвой, как гниющие головы. Очнулся Андрей уже на крыльце. Похоже, отбиваясь от мертвецов, вырвав-

шихся из прозекторской, а также и тех, что взломали холодильники в подвале и полезли наверх, Андрей выскочил из здания.

Свежий воздух привёл его в себя. Дал возможность трезво посмотреть на этот новый, безумный мир. Трое стояли на крыльце. Двое из них совсем никуда не годились, Сгнившая одежда словно бы перемешивалась со сгнившей плотью, образуя на вид подобие смородинного варенья пополам с мазутом. Третий был ещё ничего. В чёрном плаще, с шарфом, выбивающимся из-под воротника. Правда, из груди торчал нож. Зубы скалились в скоромошней улыбке, но лицо в свете фонаря над крыльцом казалось печальным серым пятном. Этот третий ещё и говорил – мягким, шелестящим голосом:

– Что же ты? Не спеши.

На месте левого глаза у него копошились и поблёскивали в матовом свете черви. С криком отшвырнув от себя тяжёлые ледяные руки, Андрей спрыгнул с крыльца и побежал.

Он бежал через больничный скверик, в ужасе слыша, как ночь наполняется несвойственными ей звуками – рёвом, криками, звоном битых стёкол. И, заглушая всё это, откуда-то нёсся жуткий многоголосый гипнотизирующий вой. «Конец... Рехнулся... Не хочу!..» – мысли Андрея были отрывисты и бессильны. Вспоминались недочитанный «Идиот» и мёртвая женщина из прозекторской, тянувшая к нему тонкие длинные пальцы, отливавшие нежной синевой.

Выбежав к трамвайной остановке, что напротив больнич-

ных ворот, Андрей увидел, что мир окончательно превратился в ад: несколько домов в посёлке имени Калинина горели, и тени на фоне языков огня дали понять ему, что лучшее – это просто уносить ноги – неважно куда, главное – побыстрее.

Началась безумная гонка, закончившаяся минут через сорок. Еле дышавший Андрей подбежал к покосившемуся домику на берегу реки. Занимался рассвет, и в его спокойных розово-золотистых тонах всё происходящее получало ещё более кошмарный смысл. Тяжёлая неестественная тишина нависла над городом. Не слышно было ни трамваев, ни машин, ни лая собак – исчез привычный городской шум. Только издалека – оттуда, откуда прибежал Андрей, где вставали над «пролетарскими кварталами» облака чёрного дыма пожаров, доносился тоскливый вой. Шатаясь, Андрей приблизился к домику. Ободранная, когда-то зелёная, а теперь бурая дверь держалась на соплях. Из разбитого окна свешивалась грязная, в сиреневый горошек, шторка. Поколебавшись пару секунд, Андрей толкнул дверь и, пригнувшись, шагнул за неё.

Визгливый крик и грохот выстрела швырнули Андрея на пол. Оглушённый, кашляющий, в едком пороховом дыму и облаке сбитой пуль извёстки, он откатился в сторону, путаясь в своём санитарском халате, и вскочил на ноги, готовясь удирать. На месте, где Андрей только что стоял, в двери зияла немалых размеров дыра. Возле застеленного клетчатой клеёнкой стола трясся невысокий человек, неумело сжи-

мавший побелевшими руками пистолет. Безумные глаза его светились, словно льдинки на утреннем солнце. Аккуратно подстриженная борода как-то нелепо кособочилась, и сам он как-то весь был перекошен, напоминая натянутый лук. Серый костюм его весь был перемазан пылью, гарью, известкой и чем-то донельзя мерзким.

– Уйди... У-у-уйди-и-и! – глухо провыл человек в сером костюме, – застрелю! Не тронь меня!

– Не стреляй, паскуда! Я свой, я...

– А-а-а! Сдохни, гадина!!!

Андрей, пригнувшись, прыгнул на обидчика. Новый выстрел едва не лишил его уха. Андрей вцепился одной рукой в пистолет, а другой – в чужое горло и опрокинул человека в сером костюме на стоявшую сзади железную койку с рваным матрасом и жёлтой подушкой. Выхватив из слабых рук оружие, Андрей с каким-то радостным остервенением заехал его рукояткой по зубам горе-стрелка. Тот тут же перестал сопротивляться. Горько всхлипывая, закрыл лицо руками и затих, повернувшись на бок. От него пахло спиртным. Тут же, на столе, рядом с пухлой Библией, стояла ополовиненная бутылка водки. Андрей взял её и вылил содержимое на голову поверженного. Тот с тяжким стоном открыл глаза и испуганно уставился на Андрея.

Было незнакомцу на вид лет сорок – сорок пять. В глазах его плясало поселившееся в них навечно безумие.

– Не убивай меня... – вдруг жалобно протянул он, – это не

я. Я ни в чём не виноват! Это всё они, Адам с Евой, чтоб им пусто было! Живут себе и в ус не дуют! Господь Бог давно уж соскучился – сам жалеет, что выгнал их тогда из Эдема. Назад зовёт... Телеграммы шлёт, чтоб вернулись! «Вернитесь, – строчит, подлецы! Я всё прощу». А Ева, сука такая, их в корзину мусорную не читая. И Адам дурак-дураком – на рыбалку да на хоккей ходит. А нет, чтоб...

Сумасшедший испуганно замолк, вытаращив глаза на Андрея. Андрей угрюмо молчал, слушая эти полоумные речи. Тупое равнодушие вдруг охватило его. А безумец в сером костюме воодушевившись, замахал руками и горячо стал выкрикивать Андрею прямо в лицо: – Ты пойми! Человеку Бог не интересен! А Богу стало завидно, завидки взяли дедушку Бога! Ему тоже хочется смотреть цветное тиви, пить холодное пиво с картофельными чипсами, играть в компьютерные игры, слушать» Продиджи» и вообще – стать равноправным членом общества! А Дьявола-то, Дьявола!... Подкараулили, сволочи, когда он пьяненький с шабаша возвращался, и умочили прямо в подъезде! Киллеров ещё наняли специально! Убили, сняли шкурку с рогами и копытами и сделали игрушку для плохих детей – чтобы те, значит, своим скотским инстинктам могли выход дать! А дальше... Дальше вообще оборзели... – забормотал сумасшедший. Из уголков рта его текли густые вязкие слюни. Глаза вращались с немыслимой скоростью.

– Раскопали где-то труп Христа, забальзамировали по пе-

редовым технологиям Воробьёва-Збарского и дали играть хорошим детям – чтобы они росли правильными и полезными для общества. Думали, будет конец света, ан нет – Антихрист-то так и не родился! Его мать была современной женщиной – она предохранялась «Фарматексом»! И Змея-искусителя поймали сачком. В сибирской тайге. Посадили в стеклянный ящик и за деньги фотографируют теперь с ним всяких бездельников. А всю его древнюю мудрость из него венником повыбили! И заставили жрать одних только крыс! Бедный Искуситель! Думал ли он, когда соблазнял Еву, что всё это обернётся в конечном итоге против него самого! И будешь ползать ты на брюхе, и прахом червивым питаться!.. – вдруг завыл безумец.

Андреем овладела злоба. На смену испугу, отупению, усталости, вдруг пришла отчаянная холодная ярость. Он поднял пистолет, который до этого безвольно держал в руке, и нажал курок. Выстрел оборвал бредовую болтовню. Андрей отрешённо посмотрел на растекающееся по облупленной стене красное пятно, на перекошенное лицо убитого им человека, а затем развернулся и вышел из домика, Давно наступил день. Несколько тёмных фигур в окружении зелёных жужжащих туч мух, околачивались неподалёку. Заметив Андрея, они с рёвом и ликующими криками спешно заковыляли к нему. Андрей прицелился было, но потом, решив, что не стоит тратить патроны, сунул пистолет за брючный ремень. Огляделся по сторонам – увидел лопату, валявшуюся под

скамейкой возле домика. Свирепо усмехнулся, поднял её и, пробормотав себе под нос: «человеку Бог не интересен», направился к трём, торопившемуся ему навстречу.

Январь 2000.

ТАМПЛИЕР

Воин печали ждет. Ждет пока...
(Книга Проклятых).

Тот, кто взывает о помощи к силам добра, рискует ничуть не меньше взывающего ко злу.
(Лорис Прокказник. Книга Демиургов).

Кто может сказать, о чем думает летучая мышь, совершая свой еженощный полет? Наверняка не о прелестях ночной прохлады, а о вкусных, теплых мошках, которых так приятно хватать на лету...

Так думал я, одиноко бредя по безлюдным изогнутым улицам этого странного города, наблюдая пляску веселых детей ночи в сиреновом свете уличных фонарей. Куда я шел – я не знал. Я не знал и не помнил ничего. Правая рука моя почему-то сжимала тяжелый длинный меч – обтянутая кожей рукоять грелась в ладони, а с блестящего лезвия срывались тяжелые темно-вишневые капли. Они падали с определен-

ными интервалами – в такт моим шагам. Проходя мимо темных подворотен, я прислушивался: оттуда доносились звуки – шепот и, кажется, чье-то рычание. Я видел, как мерцают оттуда чьи-то жестокие глаза. Я вышел на большую, залитую фиолетовым искусственным светом площадь. Там стоял тот, кто ждал меня. Едва увидев его, я сразу понял, что он ждет именно меня. Высокий, с лицом скрытым тенью, в ошметившихся сверкающими шипами доспехах, он протянул ко мне свой изогнутый на восточный манер меч и глухо, но раскатисто произнес:

– Пройдет время, и пустыни снова станут морями... Вот твоя награда!

И широким взмахом клинка он снес мою голову. Она весело покатилась по булыжной мостовой, звеня надетым на нее шлемом...

* * *

С криком Владимир Николаевич Перов вскочил с кровати, нечаянно двинув локтем жену. От резкого вскакивания в глазах у него потемнело и запрыгали озорные искорки. Шатаясь и держась за сердце, он проковылял на кухню. Проглотил там две таблетки валерианки, запил бутылкой кефира и как будто несколько успокоился. Глубоко, полной грудью, вздохнув, Владимир Николаевич взял с холодильника «Аргументы и факты» и занялся кроссвордом. Спать сегодня он все равно уже не будет.

– Что, опять кошмары мучают? Господи, да сколько можно, да сходи ты уже к врачу. Пусть назначат тебе какую-нибудь психотерапию, – протяжно запрочитала заспанная супруга, вваливаясь на кухню.

– Иди спи, – буркнул Владимир Николаевич, вписывая в клеточки слово «коммуникация».

– Ну и черт с тобой. Мучайся со своими кошмарами. Скоро в психушку загремишь, чокнутый!

Шаркая тапками, заспанная супруга удалилась в спальню, и еще минут пять оттуда слышны были проклятия в адрес психов, которые не хотят лечить себе нервы, отравляя жизнь себе и окружающим. Владимир Николаевич потарасился какое-то время в газетные фотографии, пририсовал Жириновскому рога и ослиные уши, потом отправился в спальню.

Кошмары этой ночью больше не приходили.

* * *

Жена разбудила его в семь. Сама она, по своему обыкновению, уже вовсю носилась по квартире под ритмичный грохот из телевизора и занималась сотней дел сразу: жарила яичницу, гладила трусы и болтала, зажав телефонную трубку между костлявым плечом и ухом, с одной из своих подруг. «Жаворонок паршивый», – зло подумал невыспавшийся Владимир Николаевич, отправляясь в ванную.

За завтраком, под бодренькую болтовню жены, он в оче-

редной раз с вялой обреченностью отметил, что их семилетний брак был роковой ошибкой с его стороны. Подумать только! И что хорошего он мог найти в этом суетливом самовлюбленном создании, не желавшем замечать самых очевидных вещей...

Подобные мысли регулярно возникали в его голове на протяжении вот уже лет пяти. Что ж, пять лет – срок более чем достаточный, чтобы сойти с ума, и Владимир Николаевич Перов последнее время действительно чувствовал себя странновато. Особенно эти ночные кошмары, что начались около двух лет назад. Самое обидное было то, что самих кошмарных снов Владимир Николаевич абсолютно не помнил. Раза три-четыре в неделю он вскакивал среди ночи в ледяном страхе и потом долго не мог успокоиться, шатаясь по комнате и тщетно пытаясь понять, чем же именно он напуган. Физически Владимир Николаевич Перов, сорокадвухлетний инженер, был здоров абсолютно – обследование в поликлинике по месту жительства это подтвердило. Участковый терапевт посоветовал Перову обратиться к хорошему психиатру. Перов счел этот совет унижительным. «Нашли психа, коновалы!» – возмущался он дома.

А кошмары между тем участились. Теперь они терзали горемычного Владимира Николаевича каждую ночь. Снотворное больше не помогало. Жене Юлии Андреевне, казалось, дела было до этого немного. Мужа она не жалела. Но те неудобства, что он причинял ей своими воплями и резкими

вскакиваниями по ночам, ее возмущали. Она тоже то и дело весьма ехидно говорила о психиатре, и Владимир Николаевич с трудом подавлял гнев.

* * *

Сидя в забитом человеческим мясом трамвае, Владимир Николаевич просматривал свежий номер «Литейских вестей». Погрузившись в чтение увлекательной статьи о славных деяниях местных слуг народа, Перов вдруг с ужасом ощутил, что его клонит в сон. Он испуганно затряс головой, сгоняя морок, и еще пристальнее вперил взгляд в газету, усиленно пытаясь вызвать в себе интерес к содержанию статьи. В этот момент вдруг противно заверещал трамвайный звонок, вагон неожиданно и резко затормозил, толпа в салоне с визгами и криком уплотнилась и синхронно подалась вперед. Владимира Николаевича бросило лицом прямо в спинную ручку переднего сиденья. Боль влетела в голову, и жалостливое старушечье причитание «Батюшки, мужчина убилися...» Владимир Николаевич услышал, теряя сознание.

* * *

Это очень неприятное ощущение – когда тебе отрубают голову. Ты разделяешься на две половины – и вот одна половина катится, дурашливо подпрыгивая на булыжной мостовой, а другая несколько секунд стоит, обливаясь кровью, а затем с неприятным стуком падает. И в эти секунды ты

чувствуешь себя то головой – глохнущей, слепнущей, кувыркающейся, то безголовым телом с его жалкими попытками сделать что-нибудь для своего спасения. А потом сгущается тьма, но сначала успевает проплыть до боли знакомое видение – казематы с чадающими факелами, ухмыляющийся ребенок в заляпанном кровью кожаном фартуке, цепи, свисающие с потолка, бледные лица дознавателей.

Это видение заслоняется другим – белый конь, рука в кольчужной перчатке, яростно сверкает под жгучим солнцем топор, обрушивающийся на чью-то загорелую бородатую физиономию... Потом тебе видится огромная площадь, заполненная жужжащей, бормочущей шевелящейся толпой. Чей-то хриплый голос каркает странные слова: *«...повинны в многочисленных и ужасных преступлениях против Веры и против Короны... В связях с... И нечестивыми деяниями, которыми... И навеки отвратили от себя благодать Господню...»* Ты пытаешься выискать в этих словах какой-нибудь смысл, но без толку: слова вроде бы и понятны, но их значение настолько ужасно, что не может проникнуть в твоё сознание. Затем – невыносимый жар, страшная боль, ты кричишь, корчишься, задыхаешься, хвататешь огонь ртом и ноздрями, огонь в горле, в груди и в глазах... Но вдруг – полный покой, и ты видишь *нечто*, и вспоминаешь, и осознаешь: да, *твой* Бог, твой Бафомет – вот он! Невыразимыми, выстраданными путями ведет он тебя, словно ребенка, сквозь Тьму и Свет, и ты видишь все, ты взволнован и счастлив. В бесконечном

потоке Гармонии несут тебя золотые драконы к самому Центру – туда, где в Сумеречной Цитадели сходятся все дороги Избранных Странников, чтобы снова разбежаться, но уже в *иных* направлениях.

* * *

Долго отходил Владимир Николаевич от сотрясения мозга, полученного в трамвае. Но самым поразительным было то, что его ночные кошмары прекратились – словно с тем нелепым ударом о поручень в голове Перова разбился какой-то адский ночной телевизор. Может быть, в связи с этим и характер Владимира Николаевича заметно улучшился – вспышки гнева и обидчивости исчезли, будто они и не приходили никогда. К радости жены, Перов стал предупредительнее и терпимее. Словом, жизнь как будто налаживалась.

В пятницу вечером, придя с работы домой и поужинав, Перов, вопреки давней привычке, не уселся вместе с женой у телевизора, а надолго уединился в ванной. Юлия Андреевна решила, что муженьку пришло в голову всего лишь принять освежающий душ, и заботливо крикнула из кухни:

– Не забудь трусы переодеть!

– Не забуду... – буркнуло из-за двери ванной.

Включив душ в полную мощь, Перов задумчиво постоял перед зеркалом Нестарый, весьма симпатичный брюнет смотрел на него из зазеркалья. Какие-то смутные, рваные, дымчатые тени плыли у него над головой. Наверное, пар от

горячей воды... Чей-то непотребный смех доносился непонятно откуда – должно быть, от соседей. В углуб за стиральной машиной кто-то шуршал и скребся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.